

1 НОЯБРЯ.

1853.

Шарада

История о невероятных приключениях
девицы Елены Тихменевой,
рассказанная ею самой

Ольга Болгова

Ольга Болгова

Шарада

«Автор»

2023

Болгова О.

Шарада / О. Болгова — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-91295-3

«По Высочайшему Государя Императора повелению с 31-го числа октября открыто движение по Санктпетербурго-Варшавской железной дороге, от Санкт-Петербурга до Гатчино...» 1-го числа ноября 1853 года в поезде, следующем по только что открытому маршруту Санкт-Петербург – Гатчино, оказывается Елена Тихменева, девица 25-ти лет, бывшая гувернантка, бывшая статистка Императорского театра, ныне пытающаяся скрыться от преследователей и полиции. У неё имеется важное письмо, похищенное у прусского агента, графа В., которое она должна была, но не смогла передать представителю некоего ведомства. Невероятные приключения уже начались, можно сказать, они в самом разгаре.

ISBN 978-5-532-91295-3

© Болгова О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. В Гатчино	5
Глава 2. В Петербурге	14
Глава 3. В секретной	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Болгова

Шарада

Глава 1. В Гатчино

Я открыла глаза и уставилась в потолок, пытаюсь понять, знаком ли он мне. Хотя, при отсутствии своего дома, знакомым я бы сочла разве что потолок своей детской из далёкого прошлого. Я лежала на кровати в незнакомой комнате, тонущей в голубоватом сумраке. Узорчатые шторы на окнах почти задернуты, попуская лишь узкую полосу предвечернего, либо предутреннего неба. На мне лишь сорочка и панталоны, корсет снят. Попыталась приподняться и сесть, в висках застучали молоточки, отдаваясь резкой болью, от движения закружилась голова. Опустила голову на подушку и вспомнила почти всё. Кроме того, где я и как сюда попала.

Дверь тихо отворилась, и в проём просунулась женская голова, обвязанная платком.

– Проснулись, барыня?

Баба скрылась, чем-то загремела снаружи, затем вошла, неся поднос с посудой и какими-то склянками.

– Как изволите чувствовать себя, барыня? – спросила она, ставя поднос на столик возле кровати.

– Где я? – ответила я вопросом на вопрос.

– Как где, барыня? Ах, вы же не помните, без чувств были, когда вас барин Сергей Николаевич доставили. У них в доме и есть. Жар у вас был, в жару изволили метаться, бредили...

– Сергей Николаевич, стало быть... Где он сам?

– На службу изволили отбыть.

– Давно я здесь лежу?

– Намедни изволили прибыть.

– Который сейчас час?

– Так четвёртый пополудни.

– А ты кто? Прислуга?

– Горничная, Капитолина по имени...

– А что, в бреду я много говорила?

– Много, но не извольте беспокоиться, я с вами сидела, не помню ничего.

Надо же, какова. «Не извольте беспокоиться, ничего не помню». Хитра Капитолина.

– Вот, выпейте отвару, очень полезной, враз вас на ноги поставит.

Она помогла мне сесть, подтянув подушку под спину, и налила из кувшина в чашку зеленовато-золотистого отвара. Горячий напиток благоухал какими-то травами, был приятен на вкус.

– Ежели покушать хотите, извольте...

– Нет, не хочу.

Спать хочу, лечь, закрыть глаза и спать, чтобы не болела голова и не резало в глазах. Осторожно сползла по подушке, влажное полотенце, оказавшееся на лбу под причитания Капитолины, облегчило боль. Сон навалился почти мгновенно. Неужели сонный отвар? Корсет! Мысль о корсете мгновенно согнала сон.

– Капитолина! – возопила я вслед уходящей горничной.

Она вздрогнула и поспешила ко мне.

– Что изволите, барыня?

– Моё платье, корсет... где они?

- В шкапу, барыня. Всё постирано, почищено. Но вам вставать не след, у вас жар.
- Не буду я вставать. Принеси платье и... всю одежду.

Всё так удачно начиналось. До Петербурга добралась со всеми возможными удобствами и надёжными попутчиками – кондитерами из Баден-Бадена Штольнерами и их сыном Францем. Они, сами того не ведая, обеспечили защиту и отличное прикрытие. От Берлина до Кенигсберга ехали по железной дороге, переправившись на пароме через приток Вислы в Мариенбурге, а дальше, до Петербурга, – почтовой каретой. Франц, глуповатый толстяк, изрядно донимал ухаживаниями, но ради дела можно было принять его реверансы и даже дать авансы. Для упрочения прикрытия почти не расставалась с Францем, став чуть ли не невестой. Постоянно казалось, что за мной следует другой попутчик, весьма нежелательный. Напрасно недооценила своё чутьё, которое иногда помогал.

Петербург встретил дымкой предвечерних сумерек, зябкой моросью поздней осени, потускневшим золотом ещё не совсем опавшей листвы. Меня так знобило, что пришлось достать из саквояжа теплую шаль. Распрощалась со Штольнерами, сославшись на важное и срочное рандеву. В залог скорой встречи попросила снять мне номер в той же гостинице, куда они направлялись, и отправила с ними свои вещи, а сама поехала на квартиру в дом на углу Садовой и Гороховой, чтобы завершить сделку. На всякий случай по пути сменила извозчика, но была спокойна, уверившись, что никто более за мною не следует. Слишком спокойна – видимо, расслабилась, прибыв в город, который, хоть и принес немало невзгод, оставался своим и понятным.

Я легко попала в квартиру на втором этаже – дверь оказалась не запертой – и вскоре покинула её, в панике. Выходя, столкнулась с молодым человеком в студенческой форме и его вопросом: «Это вы? Что с вами, мадам?» Вероятно, все чувства мои были написаны на лице. Ничего не ответила, поспешила вниз по лестнице, задержалась у двери парадной, размышляя – уйти или сообщить дворнику о страшной находке. Сомнения развеялись – почти напротив остановилась пролётка, выпуская пассажира. «Извозчик!» – крикнула я и поспешила к экипажу. Отъезжая, заметила темную фигуру, которая отделилась от стены, двинувшись к дороге. Просто прохожий?

– Куда изволите, барыня? – спросил кучер.

Меня била дрожь, голову сжимало, будто в тисках. Куда изволю? Кабы теперь знать. В гостиницу, куда отправлены вещи, ехать не стоит, как и к знакомым. Главное сейчас – избавиться от вероятного преследования и точно убедиться в этом. Стало быть, придётся мотаться по городу. Или... направиться в людное место. Жаль, что рассталась со Штольнерами, но не могла же я тащить Франца прямо с дороги в ту квартиру.

– Пошёл... прямо, – сказала я первое, что пришло в голову.

На сиденье лежала газета, видимо, забытая прежним пассажиром, «Санкт-Петербургские ведомости», свежая, от сегодняшнего числа, первого ноября. Взяла газету и просмотрела первую страницу.

«Государь Император высочайшие повелеть соизволил...

Высочайшим приказом по военному ведомству... производятся за отличия по службе...

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству... производятся за выслугу лет...

Великобританский подданный Франц Риглей получил пятилетнюю привилегию на изобретенную им жатвенную и косильную машину...» Браво, Франц!

«По Высочайшему Государя Императора повелению с 31-го числа октября открыто движение по Санктпетербурго-Варшавской железной дороге, от Санкт-Петербурга до Гатчино...»

Далее сообщалось, что ежедневно отправляются два поезда из Петербурга и два из Гатчино. Первый из Петербурга – в двенадцать часов дня, а второй – в шесть пополудни. В Гатчино

есть дом, куда я могу явиться без приглашения, а на станции в первый день открытия движения должно быть немало народу – отъезжающих и прибывших пассажиров, любопытствующих зрителей, и я смогу затеряться в толпе.

– Извозчик, поезжай на станцию, откуда поезд в Гатчино идёт, – распорядилась я.

– Как скажете, барыня. Это которая новая, намедни открыли.

Чтобы хоть немного изменить облик, решила расстаться со шляпкой – закутала голову в шаль, а шляпку, помяв, швырнула в Фонтанку на Измайловском мосту. Лошадь застучала копытами по брусчатке проспекта, и вскоре экипаж пересек деревянный мост через Обводный канал, выехал на площадь перед двухэтажным зданием, скорее похожим на обычный жилой дом, чем на станцию. Расплатилась с извозчиком и прошла внутрь через внушительные центральные двери. Мои ожидания оправдались – здесь было довольнолюдно. Станция шумела гулом голосов, повторяемых эхом. По пандусу на платформу вползали кареты. Пышущий дымом паровоз и три вагона ждали отправления. Я подошла к паровозу, словно к печке, пытаясь унять холодную дрожь. В висках болью стучали молоточки. Нужно сесть в вагон, в угол, к самому окну и поспать. Нет, засыпать нельзя... Паровоз вдруг загудел, дёрнулся, потянув вагоны. Дымом ударило в лицо, я отшатнулась и налетела на кого-то, стоящего позади, кинулась вперёд и упала бы, если бы меня не подхватили под руку. «Осторожно, мадам». Обернулась в ужасе – неужели преследователь? Сверху вниз из-под форменной фуражки смотрели удивительной синевы глаза. Может, показались такими синими из-за головной боли и озноба? Мужчина лет тридцати, в фуражке и форменной шинели, скорее инженер, чем военный, отпустил мою руку, короткая любезная улыбка тронула его губы.

– Осторожней, мадам, – повторил он.

– Простите, испугалась. Я очень неловкая... Наступила вам на ногу?

Не похож на преследователя, да и стоял слишком близко, разве что намеревался пустить в ход нож, но почему-то передумал или не смог. Выпустила на сцену суетливую дамочку, нуждающуюся в поддержке. Будь, что будет...

– Нет, не наступили, – усмехнулся он. – Едете в Гатчино?

– Да, собираюсь. Я всегда боюсь – колёса на рельсах, а вдруг сойдут, и этот дымящийся паровоз, а вдруг взорвётся!

– Что вы, мадам, ничего не бойтесь. Железная дорога – это совсем не страшно, уверяю вас, как знаток вопроса.

– Да? Вы... ах, позвольте отгадать. Вы – инженер? – проворковала я.

– Да, инженер, – кивнул он. – Строю и содержу пути.

– Ах, как интересно! А здесь, на станции, по служебным надобностям?

– Нет, нынче воскресенье, еду в Гатчино.

– Какая удача, – совершенно искренне пропела я. – Мне пришлось ехать совсем одной... брат мой занят сегодня, а я такая трусиха!

Как бы не переиграть в неловкую. Роль, конечно, отрадная, но можно и заиграться, а я всего лишь статистка в Императорском театре.

– Позвольте вам помочь, – галантно предложил синеглазый инженер. – Разрешите отрекомендоваться: Бочаров Сергей Николаевич.

– Очень приятно. Елена Даниловна Тихменева...

Выпили чаю в буфете. Поездка в уютном вагоне первого класса в обществе симпатичного инженера обещала бы быть приятной, если бы не дело, что застряло в квартире на Садовой, да озноб, перешедший в жар. Плохо помню, о чём мы беседовали в пути – невыносимо болела голова, а потом я то ли уснула, то ли сомлела. Неужели он что-то подмешал в чай? Или так со мною обошлась хворь, которую прихватила где-то в дороге? Моя подозрительность становилась чрезмерной. Не нужно было связываться с делом, в котором замешана политика, но обещанное вознаграждение выглядело весьма заманчиво. Увы, всё пошло наперекосяк, и в том,

вероятно, есть доля моей вины. Но только доля, видит бог, я была осторожна, насколько возможно в сложившихся обстоятельствах. Но кто и почему убил человека, с которым я должна была встретиться? Возможно, его гибель никак не связана с моим делом.

Так я размышляла, устроившись поудобней на подушке в доме инженера путей сообщения или кого там ещё, ожидая, когда Капитолина принесет мою одежду. Если в корсете письма не обнаружится, это будет означать, что прекрасный Сергей Николаевич не просто случайно встреченный на вокзале инженер. Горничная всё не шла и не шла, и я сама не заметила, как уснула.

Мне снился сон... Горячий сон из тех, что сливаются с явью, превращая эту явь в мистическое немислимое. Я сидела в купе поезда, за окном альпийский пейзаж менял луга на предгорье, а предгорье на скалы. Бархатная занавесь цвета перезрелой вишни чуть покачивалась от потока воздуха, проникающего в купе. Жар, которым полыхало всё мое тело, вдруг сменился на влажный холод, взмокла спина, волосы, лицо, грудь. Занавесь откинулась порывом ветра, и в купе через окно прямо из альпийского пейзажа вошёл мужчина. Я не видела его лица, но отчего-то знала, что он хорош собой. Он склонился надо мной, а мне было невыносимо стыдно, что я лежу мокрая и беспомощная, и в то же время невыносимо хочу его объятий. И когда он протянул руку, чтобы стащить с меня одеяло, занавесь вдруг с треском порвалась, что-то вспыхнуло, лицо его разбухло, потекло красным, и он превратился в того, кто лежал на полу в квартире доходного дома на углу Садовой и Гороховой... затем всё завертелось, как в калейдоскопе, *сапфиры, яхонты, топазы, и изумруды, и алмазы*¹. Я закричала, не слыша своего голоса, кружение калейдоскопа остановилось, замерло, и на его место явились синие глаза, глядящие в упор.

– *Сапфиры, яхонты, топазы, и изумруды, и алмазы*, – пробормотала я уже наяву.

– Разбудил вас, простите, – сказал инженер Сергей Николаевич, глядя на меня сверху. – Зашёл справиться о вашем состоянии, не хотел тревожить, но получилось. Пойду, отдыхайте.

– Нет, нет, не уходите! Мне намного лучше. Расскажите, как я здесь оказалась. Ведь я ничего не помню...

Скверно выгляжу, но, с другой стороны, вызываю жалость, и этого пока достаточно. Надо же было так некстати захворать. Кого я изображала на вокзале и в поезде? Трусливую дамочку, желающую поддержки, которую и получила. Но почему он привёз меня к себе?

Бочаров подвинул стул к кровати и сел. В домашнем облачении – фланелевые брюки и узорчатая тужурка поверх белой сорочки – он выглядел иначе, проще, но столь же привлекательно. Я сняла со лба полотенце, поправила волосы, приподнялась на подушке.

– На станции вы упали в обморок, у вас была сильная лихорадка, – сказал Сергей Николаевич. – Привёз вас сюда, к себе. Вы не помните, я рассказывал в поезде, что имею домик в Гатчино, наследство от родни. Доктор определил, что у вас... э-э... катаральное воспаление.

– Ах, это что-то серьёзное?

– Нет, вы простудились и переутомились. Доктор обещал зайти завтра.

Завтра мне нужно быть в Петербурге и искать, кому передать письмо.

– Не знаю, как вас благодарить, Сергей Николаевич... я в долгу перед вами, – прошептала я, голос звучал естественно слабо.

– Полноте, мадам... Отдыхайте и ни о чём не беспокойтесь. Следует ли сообщить вашему брату?

– Брату? Какому... Ах, да... нет, не стоит его волновать. Как только мне станет легче, переберусь к своей знакомой – она живёт здесь, неподалёку.

---

¹ Баснописец А.Измайлов о калейдоскопе, 1818г. Смотрю – и что ж в моих глазах? В фигурах разных и звездах Сапфиры, яхонты, топазы, И изумруды, и алмазы, И аметисты, и жемчуг, И перламутр – все вижу вдруг! Лишь сделаю рукой движенье — И новое в глазах явленье! О чем идет речь?

– Хорошо, как скажете. Распоряжусь, чтобы сюда подали ужин. Когда спадет жар, и доктор разрешит, затопим баню. Баня – лучшее средство от хвори.

– Баню? Как это мило... У вас своя баня?

– Своя, – кивнул он. – Срублена по всем правилам, вода подаётся при помощи насоса.

– Какой вы... инженер!

Он улыбнулся и кивнул, видимо, довольный моим восторженным откликом.

– Который ныне час? – спросила я.

– Четверть восьмого. Отдыхайте, не стану более вас утомлять.

Он поднялся, коротко улыбнулся и вышел. Я допила настой и опустилась на подушку. Вскоре Капитолина принесла ужин – куриный бульон, расстегай с капустой и кувшин горячего клюквенного морсу. Я поела, даже с некоторым удовольствием, на время забыв беспокоящие мысли, но повторила требование сей же час принести мою одежду. Горничная клятвенно пообещала и ушла, а я встала с кровати и, пошатываясь на противно слабых ногах, прошлась по комнате. Комната, в которую меня поместили, была довольно уютной, несмотря на аскетичность её убранства. За окном в полумраке виднелись какие-то деревья, возможно, сад, окружающий наследный домик инженера Бочарова. Пришла Капитолина, поохала, что барыня покинула постель, разложила мою одежду на кушетке.

– Всё постирано, поглажено. Токмо на подоле платья пятна не отстирались, где-то вы краской али чем испачкали.

Али чем... Рассмотрела бледные охряного оттенка пятна на подоле светло-серого платья. Значит, в панике ступила в лужу в той квартире или махнула подолом по ней. Ботинки были чисты, то ли пятен на них не было, то ли их отмыли. Взялась за корсет, просунула задрожавшую руку в карман, пришитый внутри. Слава богу, письмо было на месте! Достала проверить, оно ли, – вдруг инженер Бочаров обнаружил и подменил документ. Знакомый мелкий почерк успокоил. Вернула письмо в тайник корсета, легла и вскоре уснула.

Утром следующего дня, перебирая вещички в ридикюле, не обнаружила зеркальца в ажурной оправе и вспомнила, что прикладывала его к губам погибшего в той квартире. Вероятно, там и оставила, когда убегала. Разволновалась, но сказала себе: конечно, это скверно, но мало ли таких зеркалец, ничего в нём нет особенного, куплено когда-то или кем подарено, уже и не припомню. Мало ли кому оно принадлежало.

Жар спал, но слабость не оставляла. Пришёл доктор, отставной военный лет пятидесяти с пышными усами, добродушный и разговорчивый. Посчитал пульс, похлопал по руке пухлой ладонью, изящно приложил к груди стетоскоп и сообщил, что пациентка идёт на поправку семимильными шагами, pardon, красивыми ножками, выписал бульоны и чай с травами. Я вдруг успокоилась, впервые за долгое время. Конечно, я могла перебраться к старинной подруге, что живёт здесь, в Гатчино, но мне не хотелось покидать дом Бочарова так быстро. Разумеется, дня через два-три придётся уехать, но пока болезненная слабость не способствовала каким-либо решительным действиям. Никто не знал, что я вернулась, вполне могла ещё быть в дороге, а слежка, которой я так боялась, всего лишь плод воспаленного воображения. Если даже Бочаров не совсем тот, кем я его считаю, что ж, время покажет и всё расставит по местам, а я ничего не знаю и ни в чём не виновна. Возможно, граф Валуцкий и не догадывается, что именно я выкрала письмо. Кем я была для него? Проходной фигурой, одной из его многочисленных пассий, имён которых он не пытался запомнить. Так я уговаривала самое себя, но внутри шевелился червячок, прищептывающий, что всё далеко не так просто, и мне запретно расслабляться в покое дома инженера Бочарова.

Сергей Николаевич... Серж... он заходил по вечерам, вернувшись со службы, справлялся о здоровье, а я ждала его вечерних визитов и... трепетала. Непростительная слабость! Дала денег Капитолине, чтобы та купила мне простое недорогое платье, и на следующий день она

явилась с коробкой, в которую были упакованы два платья – дневное из дымчатого шелкового репса и домашнее, поплиновое с набивкой.

– Барин распорядились, – сообщила она на мой удивленный взгляд.

Вечером на вопрос о платьях, Бочаров сказал:

– Никоим образом не желал обидеть или задеть вас. Понимаю, что выбор мой не искусен – я не знаток женских нарядов, но примите эту одежду в... аренду, на время, пока доберетесь до модных магазинов.

– Хоть вы и не знаток нарядов, зато умеете преподнести. И выбор вовсе неплох, покрой и ткани хороши, – ответила я вполне искренне и не удержалась добавить: – После сообщите, сколько заплатить за аренду?

– Всенепременно, Елена Даниловна, – последовал ответ, расцвеченный улыбкой.

Одноэтажный, с мезонином, окруженный небольшим садом, домик Бочарова был невелик, скромно, но хорошо меблирован и удобен для жизни. На первом этаже располагались небольшая гостиная, столовая и четыре комнаты – одна из них, в левом крыле, служила хозяйину кабинетом. Меня поместили в одной из спален правого крыла. За окнами неустанно моросил холодный ноябрьский дождь, грустные мокрые яблони роняли последние листья, маленький пруд-озерцо, окруженный бордюром из округлых камней, пузырился, намереваясь выйти из берегов.

От Капитолины я узнала, что у барина в городе есть квартира, где он и живёт, а сюда, в Гатчино наведывается только по выходным, да и то не каждый раз.

– Это они ради вас, барыня, каждый божий день приезжают, – сообщила она то ли с упрёком, то ли с одобрением.

Вечером пятого дня, слегка покашливая и облачившись в новое домашнее платье, я вышла к ужину.

– Несказанно рад видеть вас в добром здравии или на пути к нему, – витиевато приветствовал меня Сергей Николаевич, одарив своей короткой улыбкой.

– Вы умеете не только выбирать дамские наряды, но и выстраивать изящные комплименты.

– Вы переоцениваете мои возможности. Кстати, признаюсь... при первом знакомстве вы показались мне немного... другой.

– Какой же? – не без ехидства спросила я.

Он помолчал, видимо, подбирая слова.

– Глуповатой трусливой дамочкой? – подсказала я.

Широкая улыбка была мне ответом. Когда он улыбался, то становился совершенно неподражаемым – загоралась синева глаз, на правой щеке возникала ямочка.

– Помилуйте, Елена Даниловна, я вовсе не это имел в виду.

– Что же тогда? Я ведь вас совсем не знала, – отговорила я.

Он взглянул с какой-то вопросительной усмешкой, словно поймал меня на слове. Хотя, действительно поймал. Сама того не заметив, я перестала изображать трусливую дурочку, став почти самой собой, и в дальнейшем разговоре призналась, что мне нравится ездить в поездах, плавать на кораблях и скакать верхом.

– В детстве я жила в таком же доме, и сад был, и пруд, и баня, и лошади..., я даже как-то сбежала в ночное с деревенскими мальчишками. Тётушка меня страшно ругала за это. Я ведь росла в семье дяди, рано потеряла родителей.

– Мои родители тоже умерли, когда я был ребёнком. Отец – от старых ран, а мать – от чахотки, – сказал Бочаров. – Я вырос здесь, это дом моей тёти. В тринадцать лет поступил в Институт путей сообщения как обер-офицерский сын. У нас с вами схожие судьбы. Разве что я был один у родителей, а у вас есть брат.

– Брат? Да, кузен, сын моей тёти...

Кузен у меня действительно был, но я уже не помнила, когда виделась с ним в последний раз.

Капитолина шумно сервировала стол: вкусно дымящийся судок с котлетами, блюда с румяно обжаренным картофелем, хрустящими солёными огурцами...

– Кстати, вы упомянули о бане, – продолжил разговор Бочаров, принимаясь за еду. – Иван Гаврилович, доктор, считает, что парная вам совсем не повредит.

Баню затопили на следующий день ближе к вечеру, когда засинели сумерки. Закутавшись в тёплый бурнус, я пошла вслед за Капитолиной по тропинке мокрого сада к сияющей свежим срубом бане, что стояла в стороне от дома на берегу большого пруда. Внутри пахло травами и распаренной березовой листвой. Упомянутая хозяином дома конструкция с насосом занимала половину предбанника и исправно подавала воду из пруда через большой медный кран.

Отослала горничную, заверив её, что справлюсь, разделась и, осмотрев парную, отважно забралась на полоч. Поначалу сомлела, пришлось плескать в лицо холодной водой, а затем, обвыкнув, села на лавку, вдыхала духмяный пар и берёзовый аромат, потела, растекалась от удовольствия.

Возвращалась в дом в темноте, задыхаясь от неги и усталости. Капитолина принесла горячий чай с мёдом.

– Барин опять из города приехали, – сообщила она.

Напилась чаю, отпустила горничную и устроилась на кушетке, не думая ни о чём – такое удавалось не часто. Распустила волосы, стянутые полотенцем, и принялась расчесывать их, добиваясь гладкости. Темные с каштановым отливом густые волосы всегда были моей сильной стороной. Расчесала, заплела в косу, рассмотрела себя в ручное круглое зеркало, что принесла горничная. Сельская простушка с крупноватым носом и пухлыми губами глянула оттуда. Щёки пылали румянцем, глаза прояснили, губам вернулся здоровый вид и цвет – затянулись трещины, что появились во время лихорадки.

Негромкий стук в дверь заставил вздрогнуть, не от испуга, скорее, от волнения.

– Войдите, – сказала я.

Он вошёл, остановился в дверях.

– Добрый вечер, Елена Даниловна. Зашёл пожелать спокойной ночи да спросить, понравилась ли вам моя баня?

– Баня превосходная, я словно заново родилась. И оценила ваш насос для качания воды. Это потрясающе!

Он улыбнулся, запустив ямочку на щеку.

– Премного благодарен...

– Это я благодарна вам. Вы каждый день совершаете долгую поездку сюда. Завтра последний день, когда я пользуюсь вашим гостеприимством. Признаюсь, не помню, когда мне было так хорошо. Несмотря на катаральное воспаление...

– Я рад... – сказал он, смешался и быстро добавил: – Разумеется, не тому, что вы заболели, и, тем более, тому, что собираетесь покинуть мой дом, а тому, что эти обстоятельства... короче говоря, рад знакомству с вами. И не спешите, прошу вас, вы ещё не оправились после болезни...

Он даже заикался, произнося эту неловкую патетическую речь. Я, повинувшись какому-то неосознанному порыву, поднялась с кушетки; зеркало, которое так и держала в руке, выскользнуло, я бросилась ловить его, испугавшись, что сей миг оно разобьётся, и столкнулась лбом со лбом Сергея, который тоже поспешил за зеркалом. Отшатнулись, он схватил меня за руку, удерживая от падения, мы сели на кушетку, потирая лбы и смеясь. Бочаров наклонился и поднял зеркало, виновника происшествия.

– Не разбилось? – спросила я.

– Нет, цело.

– От меня вам одни расходы, – посетовала я.

– Это неважно... Не сильно я вас ушиб?

– Не более, чем я вас. Нужно приложить пятак или что-то холодное...

Он сидел рядом на кушетке, и его близость действовала на меня заворачивающе, всё в нем влекло меня, синие глаза, движения, запах, дыхание, темные мягкие волосы... Я потрогала его лоб, проверяя наличие шишки от удара, и не смогла удержаться, уступив давнишнему желанию растрепать ему волосы. В следующее мгновение его губы прижались к моим, сначала коротко, словно на пробу, затем горячее и настойчивей, и я не могла не ответить на поцелуй. Если бы он зашёл дальше, мне, признаться, было бы трудно устоять, но он сжал меня за плечи и отпустил, поднялся.

– Пожалуй, пойду. Пришлю Капитолину, у нее есть средства от всех болезней. Спокойной ночи, Елена Даниловна. Оставайтесь еще хотя бы на пару дней.

Сказал и вышел, а я заметалась по комнате, не в силах справиться с волнением. Пришла горничная с примочками и советами, и я немного успокоилась.

Утром проснулась, когда в столовой пробили часы – они били настолько громко, что их звон слышался во всех комнатах дома. На столике у кровати под гребнем лежал свернутый вчетверо лист бумаги, надписанный: *Елене*. Подержала его в руке, боясь развернуть, вернула на стол. Расчесала волосы, заплела в косы, закрутила кренделем. Достала из платяного шкапа корсет и своё платье. Вздрыгнула от стука в дверь. Сергей? Нет-нет! Схватила непрочитанную записку, сунула в ридикюль. Явилась Капитолина.

– Доброго утречка. Проснулись, барыня? Завтрак подать в столовую или сюда принести?

– Утро доброе. Который час, Капитолина?

– Так уж рассвело, барыня.

– Сергей Николаевич уехал на службу?

– Затемно уехали, верхом.

Вот и славно, как говорится, расставания – лишние слёзы. Боялась читать его записку. Всё это было не нужно, не входило в планы. В какие-то такие планы, с горькой усмешкой одернула я себя. Все твои планы рухнули в тот миг, когда ты вошла в квартиру на Садовой, а, может, и намного раньше. Забудь обо всем, о планах, мечтах и прочем, уехавшем затемно...

– Завтракать не буду, Капитолина, некогда. Принеси бумаги и чернил. И пальто, мне нужно успеть на поезд.

– Как же так, барыня? – изумлённо запричитала горничная. – Барин ничего не говорили про ваш отъезд, а напротив приказали обихаживать... Никак невозможно вас отпустить!

– Ничего, я ему всё напишу, принеси бумагу, – отрезала я.

Капитолина сдалась не сразу, хотя меня не отпускало чувство, что она, защитница своего дорогого барина, рада моему отъезду. Она ушла, а я прочла записку, очень краткую.

*Елена Даниловна,
Вернусь вечером, не уезжайте.*

Бочаров

Я не терзалась, комкая и отбрасывая неудачные варианты, написала один и сразу.

Благодарю за доброту, участие и всё прочее, что Вы сделали для меня. Надеюсь, что не доставила Вам излишнего беспокойства. Не могу более злоупотреблять Вашим гостеприимством. Более того, ждут дела, требующие срочного исполнения.

Елена Т.

Вышла из дома под причитания Капитолины, в которых уже зазвучало искреннее желание задержать меня.

– Барыня, обождите, найдем извозчика, довезет вас.

– Я пешком дойду до станции.

– Как же пешком, барыня? Вы ж ещё не окрепли после хвори...

– Окрепла, ещё как окрепла. Хочу прогуляться, смотри, какая славная погода. Прощай, Капитолина, спасибо тебе.

– Прощевайте, барыня, – безнадежно кивнула она. – Матвей бы хоть проводил, так в лавку с утра ушёл и пропал, лиходеи... Пройдете прямо по улочке, а там, возле лавки, свернете направо и напрямёхонько к станции выйдите. Ох, подождали бы экипаж, упрямые какие... Что барин-то скажут... попадёт мне, однако.

День действительно выдался славным. Слегка морозило, свет небесной синевы заливал всё вокруг – опавшая влажная листва под деревьями золотилась в её лучах, поблескивал тонкий потрескавшийся ледок на лужах. Прошла по указанному Капитолиной маршруту и, не доходя до станции, свернула, направляясь в сторону Мариинской улицы, где жила знакомая и подруга. Спешила, словно героиня того английского романа, сбежавшая от оказавшегося женатым возлюбленного.

Подруга моя, Евдокия Киреева, Дюша, жила в собственном доме с мезонином, схожем с домом инженера Бочарова. Познакомились мы еще девочками в Павловском институте, после окончания расстались и несколько лет не виделись. Дюша вышла замуж за немолодого гатчинского купца, а я, не преуспев в роли гувернантки, ступила на иную стезю. Встретились случайно, в Гостином дворе. Дюша овдовела, получив в наследство домик и какое-то хозяйство. С тех пор я не раз наезжала к ней, она радостно принимала, и мы вели душевные разговоры за полночь.

– Лёля, душа моя, как я рада тебе, – приветствовала меня подруга, высокая дородная, белокожая, как все рыжеволосые. – Я тебя в окно увидала, ты пешком, по привычке. Сегодня день – божья благодать. Поездом приехала? Неделю, как поезд пустили, до города. Нет, поезду, вроде, еще рано...

– Экипажем, с попутчиками, – соврала я.

Дюша суетилась, на ходу расспрашивая, отвечая на вопросы и давая распоряжения по поводу чая и закусок. Вскоре мы сидели за столом, у сияющего начищенной медью самовара, делились прожитым, насколько позволял предел искренности.

Мне было хорошо и покойно у неё, но дело ждало меня в Петербурге. Я составила новый приблизительный план действий. Разумеется, он не был хорош, и, как показало время, весьма ошибочен, но ничего лучшего в силу своих возможностей я придумать не смогла. Делай, что должно, и будь, что будет.

Глава 2. В Петербурге

На следующий день, выполнив малую часть плана, я распрощалась с подругой и, заплатив рубль, села в карету дилижанса, который курсировал между Гатчино и Царским Селом. Оттуда поездом добралась до Петербурга. Первым делом отправилась в гостиницу, где должны были остановиться кондитеры Штольнеры, и где находились мои вещи. Никто не следил за мною в Гатчино – в этом я была уверена, – и никто не мог знать, что я прибыла на Царскосельскую станцию и извозчиком поехала в гостиницу. Встречи с самими Штольнерами избежать не удалось – едва я вошла в вестибюль гостиницы, как попала в их галантные семейные объятия.

– Wo waren Sie so lange, Fräulein Helen? – вскричал Франц. – Ich скучать, обеспокоен... ein Hotelzimmer mieten, но вас нет.

– Herzlichen Dank. Я пойду переоденусь. Kleidung wechseln.

– Ich warte, Fräulein Helen².

Не очень-то нужно ваше ожидание, Herr Franz Stollner, но, с другой стороны, подумала я, его сопровождение не принесёт вреда, а, возможно, будет полезным.

Номер, точнее, комната, входящая в состав номера, снятого разумно экономным семейством, была небольшой, но чистой и светлой. Платья поглажены и развешены в шкапу. Я сполоснулась в крошечной туалетной, надела чистое белье, выбрала платье – шерстяное оттенка речного жемчуга, – поправила волосы, добавила аромата духов, приличного для скромной девушки со скромными средствами, но не без вкуса; надела пальто и шаль, и спустилась в вестибюль в призрачной надежде, что Франц испарился. Разумеется, такого никак не могло произойти с добродушным суетливым толстяком.

Следующая часть плана была самой рискованной, но необходимой, поскольку я просто не знала иного выхода. Я намеревалась ещё раз посетить злосчастную квартиру в доме на углу Садовой и Гороховой – возможно, там оставлен какой-либо знак или сообщение, – или хотя бы пройти мимо – вдруг соратник погибшего увидит меня и что-то предпримет. План был скверен, почти безнадежен – вход в квартиру наверняка закрыт в силу полицейского расследования, а соратники вряд ли сутками болтаются под её окнами, – но, если это письмо, столь дорого оцененное, с таким трудом добытое и почти доставленное, действительно важно и даже может изменить ход военных событий, то я буду не я, если не предприму сию попытку. И, в конце концов, две тысячи на дороге не валяются.

Франц поймал извозчика, и мы, под аккомпанемент его затейливой смеси немецкого и русского, отправились к месту назначения. День выдался сумрачным, серым, абсолютно ноябрьским, а когда мы вышли из экипажа, поднялся ветер, погнал по мостовой сырую листву, ударил в лица предзимним холодом. Франц заворчал, ругая петербургскую погоду, я слушала в пол-уха, дрожа то ли от стужи, то ли от волнения.

– Lass uns gehen, sie wohnen im zweiten Stock,³ – сказала я, приглашая Франца подняться.

Вошли в парадную, швейцар, которого в прошлый раз и вовсе не было, спросил, куда мы направляемся.

– Ми идти zweiten Stock! – выступил Франц, надув и без того пухлые щёки.

– Моя знакомая, певица, э-э-э... мадам Жармо, живёт на втором этаже, в квартире номер шесть... или семь, не помню, – прощепетала я. – Erinnern Sie, Franz?

– Ich erinnere nicht,⁴ – честно признался Франц.

---

² Где Вы были так долго, фройляйн Элен? Номер снят... Большое спасибо. Переоденусь. Я буду ждать, фройляйн Элен. (нем.)

³ Идемте, квартира на втором этаже. (нем.)

⁴ Вы помните, Франц? Я не помню (нем.)

– Нет тут никаких певиц, мадам, – пробасил швейцар. – Верно, в другой парадной?

– Нет, в этой, на втором этаже. Я поднимусь, поднимусь... – щебетала я, строя глазки пространству.

– Подымайтесь, мадам, но в седьмой квартире проживают их высокородие господин Булдаков, а шестая ныне пустует. Там на прошлой неделе человека убили...

– Как убили? – ахнула я. – На самом деле убили? До смерти?

– А как ещё можно убить? Не до смерти, что ль, – усмехнулся швейцар.

Франц испуганно зачастил про опасность и осторожность.

– А можно... посмотреть? – закинула я удочку.

– Что посмотреть?

– Квартиру... где убили... так интересно!

– Какой там интерес. Пустая квартира, сударыня.

Я запустила умирающую от любопытства дурочку, вдруг забывшую о певице мадам Жармо. Швейцар вздыхал, твердил о полиции и запрете, я настаивала, Франц стenal и ахал. В конце концов я победила. Швейцар взял ключи, мы поднялись на второй этаж, и он открыл квартиру. Здесь было тихо и темно из-за задернутых штор. Я прошла в комнату, где неделю назад обнаружила на полу тело. Разумеется, сейчас здесь не было никаких признаков произошедшего. Напрасно я пришла сюда, но сделать то, что решила, всё-таки нужно. Когда глаза привыкли к полутьме, а Франц и швейцар увлеклись беседой, я вытащила заранее приготовленную записку и сунула ее за стеклянную дверцу посудной горки так, чтобы виднелся уголок бумаги. Всё было сделано, я заахала, восклицая, что мне стало дурно от одной мысли об убийстве. Мы вышли в парадную и начали спускаться вниз, когда на лестнице показалась внушительная фигура будочника, а следом за ним – худощавая полицейского чина в черном мундире.

– Вот она, эта дама, – сказал будочник, кивая в мою сторону.

– Вы поднимались в шестую квартиру, мадам? – обратился ко мне чин.

– Что случилось? – заворковала я. – Здесь живёт моя знакомая, мадам Жармо, а потом швейцар сказал, что там кого-то убили, вот мне и захотелось посмотреть...

– Вы есть Тихменева Елена Даниловна? – спросил чин.

– Да, это я. Как вы знаете? – спросила я, выходя из роли от испуга.

– Позвольте сопроводить вас в участок, вы задержаны.

– Позвольте, почему? – возмутилась я, чувствуя, как летит к пяткам душа.

Франц вращал глазами и вертел головой, кажется, мало что понимая.

– По подозрению в убийстве господина Камышина.

– В убийстве? Какая чушь! Что вы такое говорите?

– Was ist denn hier los?⁵ – спросил Франц.

– Вы также следуйте за мной, – сказал ему чин.

У меня подкосились ноги. Да, я подозревала, что эта часть плана – наихудшая.

– Вы – Елена Даниловна Тихменева? – спросил следователь, тот самый, что задержал меня в парадной у квартиры.

– Да, – подтвердила я, подавив желание добавить, что об этом он меня уже спрашивал.

Меня била мелкая дрожь, словно возвращалась недавняя лихорадка. То ли в комнате, где я сидела напротив следователя, было холодно, то ли мёрзло всё внутри.

– Ваше звание? – продолжил следователь.

– Девица, – сообщила я и, подумав, добавила: – Сирота, дочь обер-офицера Тихменева Данилы Гавриловича.

---

⁵ Что здесь происходит? (нем.)

– Так и запишем, хорошо-с. Бываете, разумеется, на исповеди. Состояли ли под следствием и судом?

– Нет.

Секретарь в углу усиленно скрипел пером, время от времени бросая короткие взгляды из-под круглых очков.

– Замечательно-с, – продолжил следователь. – Должен вас предупредить, что чистосердечное признание и раскаяние смягчают вину преступника и, следовательно, степень наказания.

– Мне не в чем признаваться и раскаиваться, я ни в чём не виновата.

– Но факты и улики говорят об обратном.

– Я ничего такого не совершала...

– Первого ноября сего года, в воскресенье, – монотонно начал следователь, глядя на меня из-за кипы бумаг, что заполонили его стол, – вы прибыли в Петербург и поехали на квартиру номер шесть в доме Яковлева на углу Садовой и Гороховой. Там вы встретились с господином Камышиным, которого и убили по неясным причинам.

– Я не знаю никакого господина Камышина...

– Что в таком случае вы делали в его квартире?

– В его квартире?

– Да, в той самой квартире, которую вы посетили вчера.

Несомненно, последняя часть моего вчерашнего плана была не просто наихудшей, но и наисквернейшей.

– Я приехала к певице, мадам Жармо, – пробормотала я.

– Но в этом доме не живёт никакая мадам Жармо.

– Не живёт, я перепутала адрес. Или Жармо бессовестно дала неверный.

– Хорошо-с, но неубедительно. Значит, вы отрицаете, что были на квартире погибшего первого ноября.

– Отрицаю, – кивнула я, уже догадываясь, что последует дальше.

– Знакомы ли вы со студентом Плетневым?

– Нет, не знакома.

– Хорошо-с. А вот он утверждает, что знает вас и, более того, видел, как вы выходили из квартиры господина Камышина первого ноября сего года в таком нескрываемом волнении, что даже не ответили на его приветствие.

Я молчала. Отрицать встречу со студентом, лицо которого тогда показалось мне знакомым, было нелепо, но я всё же попыталась.

– Стало быть, вы не отрицаете этот факт-с? – уточнил следователь.

– Я... я не помню такого, – промямлила я.

– Не помните о встрече со студентом, когда выходили из квартиры после убийства?

– Нет, не помню и не выходила...

– Что ж, так и запишем-с.

Секретарь потряс своим скрипучим пером. Вероятно, поставил кляксу...

– Второе... – продолжил следователь. – Возле тела убиенного было обнаружено дамское зеркальце, вот это...

Он порылся в ящике стола и почти торжественно извлёк оттуда моё злосчастное зеркало. Зачем, зачем я кинулась проверять, жив ли этот... Камышин? Сжала кулаки, пытаюсь унять проклятую дрожь.

– Вам знакома эта вещь?

– Нет, не знакома.

– А вот эти инициалы?

Он сунул зеркальце и лупу мне под нос, но я не стала всматриваться, и без того зная, что на обратной стороне иглой нацарапаны две буквы Е.Т. Моя жизнь катилась куда-то вниз, в тёмную бездну.

– Я никогда не видела этого зеркала. Зачем вы показываете его мне?

– Это улика... Вы напрасно отрицаете, что это ваша вещь. Господин Штольнер подтвердил, что видел это зеркальце у вас и даже держал его в руках, разглядывая инициалы. Вот так-то, сударыня.

Ах, Франц, Франц! Неужели ты не мог соврать? Следователь смотрел на меня, будто поставил точку, пригвоздив к месту. Рассказать всю или часть правды? Признаться, зачем и почему я пришла на ту квартиру? Придумать что-то другое? Справиться с паникой, собраться с силами. Отрицать всё, даже очевидное...

– Я... я не помню, ничего не помню. Скажите, если кто-то убил этого... Камушина, то как?

Следователь уставился на меня, прищулив и без того узкие глаза. Секретарь же, напротив, округлил их, став похожим на прилизанного филина.

– Камышин, его звали Камышин, – сказал следователь. – Вы не помните, как убили его?

– Да, не помню, не знаю... потому что я его не убивала! Его зарезали? Задушили? Удалили?

Слёзы брызнули и потекли по щекам, хлынули потоком, словно во мне прорвалась лавина.

– Воды, подайте воды! – скомандовал следователь секретарю.

Тот, засуетившись, притащил пожелтевший графин и стакан такого же вида, плеснул в него воды. Я взяла стакан двумя руками, чтобы не расплескать воду. Больше всего мне хотелось выплеснуть её в лица, уставившиеся на меня, но я сделала глоток и вернула стакан, не поблагодарив.

Глава 3. В секретной

Вследствие моего припадка следователь прервал допрос, вызвал конвой и распорядился отвести меня в секретную. Секретной оказалась душная комната, сажени полторы в длину с крошечным зарешеченным окошком. Грязный стол, рукомойник с ведром в углу и узкая койка, застланная серым одеялом. Я села на койку, пытаюсь унять дрожь, затем легла, укрывшись пальто, – холод победил брезгливость – и на удивление быстро заснула, словно провалилась в пропасть.

Нельзя сказать, что наутро проснулась бодрой и отдохнувшей, но определенно чувствовала себя лучше, чем можно было бы ожидать. Плеснула в лицо водой из рукомойника, переплела волосы. Отведала несколько ложек мутного вида и вкуса похлебки и сжевала кусок хлеба, запивая жидким чаем. Сил сей завтрак не прибавил, но утренние занятия и блёклый свет, проникающий сквозь грязное окно, побудили к размышлениям и даже к составлению хоть какого-то плана действий. Положение виделось почти безнадежным – всё и все свидетельствовали против. Жизнь моя была движением к пропасти, и вот в конце концов я оказалась на её краю. Сложись всё иначе, я, возможно, до сих пор служила бы гувернанткой, если не детей господина Р – мне не хотелось даже мысленно упоминать его имя, – то другого семейства. Ведь я была неплохой воспитательницей, и дети любили меня. А ныне нахожусь в конце пути, пройденного от гувернантки-выпускницы Павловского института до арестантки, обвиняемой в убийстве. Но кто, кто же убил? Был ли убийца той темной фигурой, что мелькнула у дома? Или оставался в квартире и следил за мной, когда я трогала Камышина и прикладывала зеркало к его губам? От последней мысли по и без того мёрзнувшей спине пробежал холод.

Чтобы попытаться спастись, нужно рассказать правду. Но какую правду я могла powiedzieć? Что приехала в Баден-Баден на воды в образе скучающей состоятельной дамы, дабы по поручению некого господина N, с которым познакомилась в Петербурге, выкрасть у проживающего там польского аристократа графа Валуцкого одно письмо. Господин N сказал, что в этом письме содержатся сведения государственной важности; что никто не должен знать о письме; что в случае удачи мне придётся самой доставить его в Петербург и передать человеку, который будет ждать в той злосчастной квартире. Рассказать, что я успешно выкрала это письмо у графа, который вспылал ко мне пылкими чувствами; что доставила его в Петербург, но на указанной квартире обнаружила убитого человека и от страха сбежала. Рассказать всё это было невозможно. Где тот господин N? Разве мне поверят?

Явился конвой, и меня снова привели в комнату, где ожидали все те же следователь и секретарь. Но на этот раз здесь присутствовал третий – студент Плетнёв собственной персоной. Теперь я узнала и вспомнила его – он пытался ухаживать за мной, в Александринке, где я служила, подвизаясь на ролях «кушать подано». Очная ставка, как объявил следователь, прошла быстро и безболезненно. Как оказалось, Плетнёв занимался математикой с сыном одного из жильцов той парадной, и, когда я бежала из квартиры, как раз шёл на урок, а позже был опрошен и стал свидетелем. После того как он удалился, стараясь не смотреть в мою сторону, следователь продолжил:

– Итак, сударыня, теперь вы не можете отрицать, что были в той квартире первого ноября во время убийства господина Камышина...

Я промолчала, собираясь с мыслями, которых не было.

– Вы желали знать-с, как убили. Так вот, вы сделали это посредством ножа, который бросили в реку, сбегая с места преступления...

– Бросила в реку? – изумилась я

– Да, именно так-с. Имеются показания извозчика, который вёз вас от дома Яковлева и по вашей просьбе остановился на Измайловском мосту, с которого вы бросили в воду нож.

– Но это... – начала и тут же умолкла я.

Моя нелепая попытка скрыться от слезки обернулась ужасной уликой. История про выброшенную шляпку вряд ли вызовет доверие следователя, если не ухудшит положение.

– Извозчик довёз вас до станции, где вы, по всей вероятности, сели в поезд и отправились в Гатчино. Так-с?

– Да, так, – призналась я, придавленная тяжестью фактов. – Я... я заболела. Но я не убивала!

– Где же вы находились, пока хворали?

Мне вовсе не хотелось втягивать в свои мрачные дела инженера Сергея Николаевича. Не хотелось, но пришлось. Я очень надеялась, что это не нанесет ему какого-либо вреда.

– Хорошо-с. Следовательно, вы провели эти дни в доме господина Бочарова? – уточнил следователь, неприятно скривив губы.

– Он любезно предоставил комнату и вызвал доктора. У меня была сильная простуда... катаральное воспаление.

– Вы были с ним знакомы прежде? Каково рода ваши отношения?

– Никакого рода... Разве это имеет отношение к делу? – спросила я.

– Предоставьте-с решать мне...

– Господин Бочаров не был мне знаком прежде, он просто оказал помощь. Я не успела снять комнату, я только что приехала.

– Из-за границы... – молвил следователь, вложив в слова, как мне показалось, какой-то особый смысл.

С тревогой ждала, что он объяснит этот смысл, но он спросил:

– Отчего же он не поместил вас в больницу?

– Он пригласил врача, и тот сказал, что меня не следует перевозить куда-либо...

– Позвольте спросить, каков род ваших занятий? Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Служу в театре, актрисой...

– Актрисой, стало быть... Хорошо-с. А теперь расскажите, как всё произошло.

Я сделала глубокий вдох и рассказала. Обо всём, лишь упустив причину, которая привела меня в ту злосчастную квартиру. Следователь, слушая, уткнулся взглядом в свои бумаги, секретарь скрипел пером, где-то за дверью слышались тяжелые шаги проходящего по коридору.

– Стало быть, вы настаиваете, что господина Камышина не убивали и в квартиру попали по случайности, – сказал следователь, когда я закончила своё полупризнание.

– Да, настаиваю.

– Хорошо-с. Прочтите протокол дознания и подпишите его по всем вопросным пунктам.

Я сделала всё, что было указано, и меня снова отвели в секретную. Начинало темнеть, и в комнате становилось мрачней и холодней. Из углов слышалось зловещее шуршание, солдат-полицейский время от времени отпирал форточку на двери и наблюдал за мною. Видимо, то была его обязанность и единственное развлечение во время службы. Когда совсем стемнело, он принес ночник. Запах горевшего масла смешался с застоялым запахом комнаты, а из угла глянули красные глаза местной обитательницы – крысы. Хорошенькое соседство. В эту ночь я почти не спала, в ужасе от соседства с крысой, снова и снова обдумывая сказанное следователю, строя предположения и плача. Сон сморил лишь под утро.

Два дня меня никуда не вызывали, а прочее повторилось с угрюмой монотонностью. Снаружи завывал поднявшийся ветер, пошёл мокрый снег, залепив оконце белыми охапками. Моя решимость бороться вовсе растаяла, уступив место горькому отчаянию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.